

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-74-82
УДК 32.342.1; 32.342.2(045)

Автономизация и национальный вопрос в Российской империи

Е.Е. Кочетков

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается сложная динамика автономизационных движений и национального вопроса в Российской империи. Исследуется отношение разных национальностей, находившихся под протекторатом России, к ее имперской политике с позиций их стремления к культурной, языковой и политической автономии. На конкретных примерах показана эволюция процесса автономизации национальных российских окраин. В работе используются исторический анализ и сравнительные исследования для понимания взаимосвязи между имперской политикой и национальными устремлениями. Данная работа вносит вклад в более широкую дискуссию о национализме и государственности в многонациональных империях, затрагивая проблемы управления многочисленными народностями с их национальной спецификой. Результаты исследования важны не только для понимания исторической роли автономизации в России, но могут быть полезны современным государствам, решающим аналогичные проблемы национальной идентичности и прав меньшинств в наши дни.

Ключевые слова: Российская империя; движение за автономизацию; национальный вопрос; национализм; культурная автономия; политическая автономия; исторический анализ

Для цитирования: Кочетков Е.Е. Автономизация и национальный вопрос в Российской империи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):74-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-74-82

ORIGINAL PAPER

Autonomization and the National Question in the Russian Empire

E.E. Kochetkov

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

ABSTRACT

This article explores the complex dynamics of autonomy movements and the national issue in the Russian Empire. It examines the attitudes of various national groups under Russian protectorate towards its imperial policies from the perspective of their desire for cultural, linguistic, and political autonomy. Specific examples illustrate the evolution of the autonomy process in Russian national peripheries. The study employs historical analysis and comparative research to understand the interaction between imperial policies and national aspirations. This research contributes to a broader debate on nationalism and statehood in multi-ethnic empires, addressing the challenges of managing diverse national groups with their distinct identities. The findings of this study are significant not only for comprehending the historical significance of autonomy in Russia but also for contemporary states grappling with similar issues of national identity and minority rights.

Keywords: Russian Empire; movement for autonomization; national question; nationalism; cultural autonomy; political autonomy; historical analysis

For citation: Kochetkov E.E. Autonomization and the national question in the Russian Empire. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):74-82. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-74-82

ВВЕДЕНИЕ

Огромная территория Российской империи, занимавшая значительную часть Евразии, представляла собой «плавильный котел» разнообразных культур, языков и народов. Это разнообразие, хотя и обогащало государство, но в то же время создавало определенные проблемы в плане достижения сплоченности нации и стабильности империи, осознания страной своей национальной идентичности при наличии разнородных автономных областей. Концепция автономизации, отражающая тенденции к отмежеванию ряда национальностей от имперской общности, стала одним из важнейших вопросов политического дискурса Российской империи.

Литература, посвященная национальному вопросу в Российской империи, обширна и многогранна. Можно выделить три основных направления исследований: исторический контекст Российской империи и ее национальная политика; научные изыскания предыдущих десятилетий, посвященные автономизационным движениям; теоретические положения, связанные с анализом национальной идентичности и автономии.

Процесс становления империи подробно описывают Д.А. Аманжолова и С.В. Кулешов [1], Л.М. Дамешек [2], А.В. Пыжиков [3] и др., выделяя политику в отношении национальных меньшинств как особую статью государственного регулирования и подчеркивая продуманность стратегии царского правительства по управлению многонациональным составом империи — от русификации до ограниченной автономии. А. Каппелер [4] предлагает сравнительный анализ этих движений, исследуя их причины, развитие и результаты и определяя различную степень успеха и неудачи процессов автономизации, а также их долгосрочные последствия для стабильности империи. Работа М. Хроха [5], посвященная теории национализма, — попытка изучения российского опыта в более широком контексте нациестроительства и государственности. А.И. Миллер [6] предлагает методологию исследования национального разнообразия Российской империи на протяжении ее истории. В свою очередь, причины ее распада, в том числе, из-за нерешенных национальных противоречий, проанализированы в работах Е.П. Бариновой, П.С. Кабытова [7], А.Ю. Бахтуриной [8], С.В. Дрожжиной [9], А.А. Иванова, А.Э. Котова [10], Е.Л. Назаровой [11], А.В. Сосновских [12], Д.И. Стогова [13], А.В. Шубина [14] и др.

Вместе с тем существующая литература не дает достаточно объемного представления об отношении к национальному вопросу в Российской империи с точки зрения процессов автономизации, оставляя в ней пробелы в части сравнительного анализа различных автономизационных движений и их влияния на политику империи в отношении национальностей. Данное исследование призвано более глубоко осветить национальный вопрос в контексте полиэтнических империй.

МЕТОДОЛОГИЯ

Интерес к данной теме вызван не только ее исторической значимостью для России, но и актуальностью для современных дискуссий о национализме и сути государствоцентричности. При рассмотрении исторических сюжетов автономизационных движений конкретной страны и их влияния на национальный вопрос затрагиваются проблемы национальной идентичности и автономий в любых полиэтнических империях. В этой связи методология данного исследования ориентирована на обеспечение комплексного понимания глубинных причин автономизационных движений и активизации национального вопроса в Российской империи. Поэтому в статье используется смешанный подход, сочетающий качественные методы исследования в отношении как исторических фактов, так и теоретических представлений современников о путях развития национальных автономий.

Ввиду того, что исследование носит преимущественно историко-сравнительный характер, в статье, помимо анализа материалов из сборников архивных документов [6] и литературных источников XIX–XX вв., рассматриваются конкретные примеры различных автономизационных движений в Российской империи, что позволяет выявить закономерности и различия в их динамике. Если первичные данные включают документы, монографии и газетные статьи периода Российской империи, то вторичные источники позволяют провести всесторонний анализ существующей литературы, содержащей научно-историческую оценку рассматриваемого периода [15].

Тематический анализ проблем, связанных с национальными автономиями, которые на протяжении последних двух столетий поднимались в первичных и вторичных источниках, дает представление о всей сложности решения

национального вопроса в Российской империи с момента ее возникновения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российская империя всегда отличалась этническим разнообразием и огромными территориями, которые постоянно расширялись, включая в свой состав новые регионы и народности. Как правило, эти этносы без труда ассимилировались в русскую культурную общность. Однако такая ассимиляция не была обязательной, — скорее, различным этносам предоставлялись возможности для культурного сближения, которые не всегда использовались, поэтому в жизни коренного населения мало что менялось. Более того, чтобы проводить реформы, новая власть часто стремилась сохранить традиционные обычаи и правовые системы периферийных территорий.

Империя не создавала этнократических государств в рамках своей административной структуры. Поддержка со стороны верховных органов власти позволяла представителям коренных народов продвигаться по служебной лестнице или получать образование, но при соблюдении определенных условий. Кроме того, коренные жители обычно сохраняли приверженность своему образу жизни, который слабо поддавался внешним влияниям, и на их землях устоявшийся уклад по-прежнему оставался нормой. Эта традиционная структура общества способствовала сохранению национальной идентичности Российской империи, что находило отражение в ее законодательстве, хотя и в форме официально унифицированной государственности¹.

Исключением из общего правила стали два так называемых квазигосударства — Великое княжество Финляндское и Царство Польское. Эти государственные образования уже имели статус, развитую политическую структуру и элиты, которые могли самостоятельно управлять своими территориями еще до того, как они стали частью Российской империи. После вхождения регионов в состав империи их правящие круги стали подчиняться властям, назначенным из Санкт-Петербурга, причем часто — не из числа местных административных кадров [16].

В XIX столетии, при расширении коммуникационных каналов, увеличении мобильности населения, повышении уровня образования, по-

явлении европейских веяний и общей демократизации общественной жизни, в разных частях России стали возникать движения по автономизации национальных окраин, что вызывало ответную реакцию властей. Так, начиная с 1860-х гг. стали происходить значительные сдвиги в сторону административной структуризации и унификации разнородного государственного устройства. В ответ на возрастающие национальные стремления применялась частичная культурная русификация [17]. Однако попытки национальной гомогенизации большой страны вызвали сопротивление националистически настроенных элит, по-прежнему стремящихся сохранить сословно-династические принципы объединения империи. Все чаще звучали голоса с призывами к федерализации страны с делением на автономии.

Вопрос об административно-правовой базе, регулирующей национальные отношения в империи, затрагивали многие авторы, в том числе Г. Новоторжский, который в начале XX в. писал, что федерация рассматривается как логическое продолжение автономии и представляет собой союз независимых государств или автономных территорий, основанный на договорных началах [18]. Обществоведы утверждают, что федерализация является оптимальным способом сохранения этнических групп в России — она нужна и для разграничения, и для установления союзнических отношений между ними.

Предполагалось, что введение конституционной системы позволит не только отдельным народам, но и отдаленным территориям стремиться к полной или частичной автономии, и число сторонников такой децентрализации будет значительным [19].

Однако было признано, что применение одинаковых законодательных норм во всем государстве невозможно, учитывая его территориальное и демографическое разнообразие. Следовательно, степень автономии каждого региона будет меняться в зависимости от специфических местных условий.

В то же время численное доминирование русских в стране делало неприменимым введение федеративного устройства в том виде, как это существует в Швейцарии (где каждый штат или кантон обладает суверенитетом) или США. Едва ли можно было предположить, что в обозримом будущем отдельные коренные регионы России станут стремиться к полному суверенитету во внутренних делах, учитывая, что веками они

1 Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Изд-во книжного товарищества «Деятель»; 1912. 208 с.

представляли собой неделимое целое без особых отличий в области государственного управления.

Однако дискуссия о том, какие конкретно территории Российской империи должны получить полную автономию, а не просто культурную и экономическую самостоятельность, всегда оставалась открытой. Это было связано с разного рода трудностями, прежде всего, по причине численного преобладания русского населения во многих областях империи.

Предполагалось, что некоторые полномочия земств должны быть расширены в культурно-хозяйственных сферах; кроме того, они обязаны иметь собственную администрацию, способную взять на себя значительную часть полномочий местных государственных органов. Политическая автономия могла быть предоставлена только тем русским территориям, которые находились на значительном удалении от столицы, таким как Ташкент, Восточная и Западная Сибирь, Забайкальский, Закаспийский и Уссурийский края и др.

Автономное управление было абсолютно необходимо для бурят, якутов, тунгусов и других народов. В этом контексте требовалось законодательно закрепить местное обычное право, совместимое с общим уголовным кодексом. Вопросы деятельности этих народов в отношении общегосударственной жизни разделили общественное мнение: считалось, что некоторые из них не достигли достаточного уровня культурного развития для участия в законодательных органах, в то время как другие, обладая необходимым культурным уровнем, могли принимать участие в выборах и иметь представителей в обеих палатах парламента.

По мнению отечественных правоведов, территориальной автономией должны были пользоваться части Российской империи, население которых образует самостоятельное культурное целое: Царство Польское, этнографическая Литва, Малороссия, Белоруссия, Латышский край, Эстонский край и Грузия.

Не все этнические сообщества демонстрировали одинаковую культурно-политическую уникальность. Некоторые из них почти не выделялись, в то время как другие отличались в малой степени, что придавало их автономизации весьма своеобразный характер. Так, территориальная автономия не могла быть применена к армянам, которые не заселяли какую-либо территорию, а были рассеяны главным образом по Кавказу и берегу Черного моря.

Что касается Финляндии, то, вследствие традиции, она всегда сохраняла особый статус [20].

Царство Польское, за исключением нескольких уездов Сувалкской, а отчасти Люблинской и Седлецкой губернии, было населено поляками и евреями, ввиду чего, в интересах справедливого урегулирования автономных отношений, высказывались мнения о необходимости голосования среди населения — к какой территории оно хотело бы присоединиться. Преобразованное таким образом Царство Польское должно было получить полную автономию.

За такую же автономию выступала Литва, которую составляли Виленская, Гродненская, Витебская, Минская, Могилевская, Ковенская губернии и часть Сувалкской. Однако из-за того, что в пределах этнографической Литвы проживало значительное количество поляков, введение литовского языка в учреждениях и всех учебных заведениях было бы затруднительно, а значит — существовала реальная проблема отправления государственных функций.

Говоря о выделении этнографической Литвы, следует иметь в виду, что город Вильно, вероятнее всего, не вошел бы в ее состав — он должен был принадлежать Белоруссии, где не было ни чувства национальной обособленности, ни ярко выраженной специфики языка и культуры. Белорусы не обладают чувством национальной исключительности и, несомненно, имеют больше кровного родства с русскими, чем с поляками, поэтому усилия по их «ополячиванию» бессмысленны.

В целом решение вопроса о том, должен ли Прибалтийский край составлять одну или две автономные территории, предоставлялось непосредственно заинтересованным гражданам, то есть латышам и эстонцам. Предполагалось, что автономия данных провинций будет достаточно обширной по нескольким причинам: во-первых, население этих регионов обладало значительным культурным потенциалом и было подготовлено к самостоятельному управлению; во-вторых, оно явно осознавало свою национальную идентичность; в-третьих, в отличие от русских, имело уникальные языковые, религиозные и культурные черты; и, наконец, русское население составляло там лишь небольшую часть (преимущественно это были чиновники). Соответственно, степень автономии этих провинций должна быть такой же высокой, как и в Царстве Польском.

Что касается Кавказа, то там жили разные нации и племена, стоящие на различных ступенях

развития. Эти группы в большинстве случаев были враждебно настроены друг к другу, что неоднократно использовалось русской бюрократией. Поэтому рассматривать Кавказ периода XIX–XX вв. как однородное политическое тело нельзя [21].

Для Российской империи с ее разнообразным национально-этническим составом было бы целесообразно провести классификацию территорий по трем категориям. Первая включала бы регионы с нецивилизованным или получивилизованным населением, которое не участвовало в государственных представительствах, но имело внутреннюю автономию под надзором государственных органов. Вторая охватывала бы территории с культурно развитым населением с различной степенью национальной автономии. Третья включала бы области, где культурно развитое население отличалось от русских настолько ярко выраженной исторической уникальностью, что им требовалась полная политическая автономия. Однако вопросы, касающиеся военных, таможенных, иностранных и прочих дел, оставались в ведении центрального правительства. При этом данные регионы имели представительство в центральном парламенте.

Понятия автономии и федерации в общественном дискурсе часто были взаимозаменяемыми, однако между ними существовала значительная разница, прежде всего, касательно законодательства². Федерация представляет собой такое образование, где несколько самостоятельных и независимых друг от друга областей объединились в одно государство и создали единую правительственную власть, уступив ей часть своих верховных прав. Такая возможность — ключевой критерий, по которому автономные территории отличаются от тех, что обладают лишь самоуправлением. В некоторых случаях национальный вопрос, обостряющий территориальные проблемы, способна разрешить областная автономия, но, независимо от этого, ее требование обуславливается местными интересами, которые часто не укладываются в рамках самоуправления.

Безусловно, любая сепарация опасна для равновесия частей государства, однако недовольство населения грозит тотальным отделением. Поэтому в ответ на стремления к сепаратизму центральная власть может предоставить региону

частичную или полную автономию, либо прибегнуть к усилению контроля и репрессий. Однако пределы самоуправления при автономности, равно как и при федеративных отношениях, не могут быть везде одинаковыми, а должны определяться для каждого случая.

В общественно-политическом дискурсе России рубежа XIX–XX вв. постоянно шел поиск оптимальной формы государственного устройства с анализом опыта других стран, имеющих в своем составе автономии, отличающиеся от понятия составного государства в рамках федерации. Примером служили кантоны в Швейцарии, штаты в США, а также Бавария или Саксония в составе Германской империи. Эти темы подробно исследованы в монографии М. Б. Горенберга «Теория союзного государства в трудах современных публицистов Германии» (1891 г.), где подчеркивается, что, в отличие от автономных провинций, эти государства обладали собственными правами.

У автономных провинций имеются лишь те полномочия, которые им оставило центральное правительство, не видя необходимости их забирать. Если бы какая-либо часть государства обладала неприкосновенными для центральной власти правами, она бы не считалась автономной провинцией, а приобрела статус отдельного государства. Все полномочия автономной провинции зависят от решений центральной власти, и их применение находится под ее надзором в рамках, которые она считает приемлемыми [22].

Также обсуждалось, что каждое государство, даже не являясь суверенным, имеет определенные права, которые не переданы ему кем-то, а существуют по умолчанию, и функционируют без внешнего контроля. Автономная область же получает свои полномочия непосредственно от центральной власти; их объем может измениться, и они могут быть отозваны в одностороннем порядке. Кроме того, действия автономной области находятся под постоянным надзором центрального правительства.

Еще одна ключевая идея заключалась в том, что народы с богатым политическим прошлым и устоявшимися традициями неизменно будут стремиться к самостоятельности. Поэтому любое управление, полностью подчиненное центральной власти, они будут воспринимать как чуждое и угнетающее их национальное самосознание. Таким образом, опасность в плане размежевания представляет не автономия как таковая, а именно отказ в ней.

² Автономия и федерация. Харьков: Тип. Сергеева; 1917. 32 с.

Следует учитывать и изменение социальных условий. Если раньше носителями местного патриотизма были немецкие остзейские бароны, польские помещики западного края, шведское дворянство Финляндии, то в XIX–XX вв., в силу неизбежной демократизации общества, на первый план вышли народные массы, что многократно увеличило силу сопротивления любому правительственному влиянию.

Очевидно также, что руководство всей необъятной Россией по определению не могло осуществляться централизованно, требовалось более широкое применение самоуправления, чем это практиковалось в других странах. Существование местного законодательства в автономных провинциях-областях имело особую значимость еще и потому, что общегосударственное народное представительство было перегружено работой, поэтому возникала необходимость принятия местных законов.

Как представлялось многим мыслителям на рубеже веков, только свободная федерация общин и их союзов способна разрешить национальный вопрос в виде объединения различных национальностей, каждая из которых может получить возможность свободно развивать свой язык, литературу и искусство. Эти настроения в начале XX столетия отразил известный социолог Питирим Сорокин: «государство, состоящее из союза многих народностей, гораздо сильнее, чем каждая национальность, порознь взятая, и потому более способно дать отпор всяким посягательствам на свободу и независимость народов, входящих в его состав» [12].

Среди русских общественных деятелей было немало групп и лиц, придававших огромное значение федеративному переустройству России с предоставлением национальностям, включенным в нее, права на полное отделение. Первыми, кто выступил в пользу национальной автономии и федерации, были М.А. Бакунин и А.И. Герцен, позже — П.А. Кропоткин, Ю.О. Мартов, В.И. Ленин и др. Многие революционные деятели поддерживали идею политической и экономической децентрализации как фундамента будущей государственной структуры.

Территориально-национальная автономия предлагалась в качестве ключевого элемента нового устройства государственного управления. Поэтому требовалось принятие соответствующих законодательных норм, исходящих

из единого высшего критерия³. В основание «нового государственного строя» необходимо положить принцип территориально-национальной автономии, а «один из первых основных законов нового порядка должен установить как общую норму самоуправления национальных территорий», «с возможным ограждением прав меньшинства» [22].

Это мнение становилось господствующим в тех сферах, которые были наиболее заинтересованы в разрешении национальной проблемы: «Территориальная автономия, как ответ на национальный вопрос, до сих пор служит лозунгом более популярным, чем национальная автономия. Ложные традиции территориализма, ошибочно переносимого в область национального вопроса, служат причиной этого представления. От этих традиций нужно отказаться... Та коллективная единица, в которой мы видим залог мирного разрешения вопроса, должна быть не территориальной, не областной, а национальной» [23]. Все попытки искусственного строительства, излишнего перекраивания географических и этнографических границ были бы обречены на провал.

В начале XX в. вопрос об автономии различных провинций и национальностей стал особенно актуальным. Так, в 1906 г. в Петербурге прошел съезд представителей разных национальностей Российской империи, за исключением великороссов, и в Государственной Думе сформировался «союз автономистов», главным вопросом участников которого стало обсуждение проблемы автономизации России. Впоследствии автономизация стала программной для большинства политических партий, чему способствовали настроения в национальных областях империи. Очевидной была неудовлетворительность губерний касательно идеи областной или территориальной автономии как исключительного способа разрешения национального вопроса в России.

К автономизации от «москалей» активно стремилась Малороссия. В Грузии, с ее феодальной государственностью на рубеже XX столетия и невозможностью защитить внешние границы от турок, персов и горцев, не раз прибегавшей к помощи русских, также были сильны сепаратистские настроения. И даже Армения, за свою многовековую историю не раз буквально стираемая с лица земли азиатскими полчищами и стоя-

³ Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Изд-во книжного товарищества «Деятель»; 1912. 208 с.

щая за спиной русской армии, стремилась к собственной автономии. Таким образом, русское владычество далеко не всегда обуславливалось завоевательными стремлениями, но неизменно сталкивалось с сопротивлением, тайным или явным, со стороны малых народов.

В этой связи общий принцип, закрепившийся в общественном дискурсе в XIX–XX вв., сводился к тому, что при разделении России на автономно-территориальные единицы следует руководствоваться территориальными границами населяющих их национальных групп.

С учетом национального преобладания великороссов, территорию, по представлению властей, следовало поделить на отдельные автономные области по границам культурно-экономических различий, языковых ареалов и социально-политических приоритетов. Если у какого-то народа существуют уникальные традиции и культурные нормы, несовместимые с общегосударственными законами, то правительство могло дать заселенным ими территориям расширенные права, включая законодательные полномочия. Такое устройство отдельных народов и областей в имперской России условно называлось автономией. Автономная область получала свои права от государства, и они становились законом, который не вправе нарушать ни одна из сторон.

Иными словами, политическая модель предусматривала централизацию, которая не влечет за собой полную русификацию, и децентрализацию, не предполагающую полноценную автономию. Задача государственности в Российской империи состояла вовсе не в том, чтобы задушить тот или иной язык, а в том, чтобы высоко поднять знамя своей культуры и гражданственности, и тогда язык — их выразитель —

и общечеловеческие ценности станут для всех необходимыми.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ фактологии и идей относительно процесса автономизации национальных окраин России выявил общеполитические закономерности и специфику решения национального вопроса в Российской империи, которые можно свести к нескольким тезисам:

1. Концепция национальной российской идентичности, с учетом специфики исторически сложившихся территорий проживания, создавала препятствия для возникновения этноцентризма.

2. Защита культуры, традиционного образа жизни и, в некоторых случаях, местной правовой системы малых народов Российской империи не предполагала предоставления им полномочий суверенитета над определенными территориями в виде независимых государств.

3. Включение представителей национальной элиты в российскую было возможно только при условии их полной ассимиляции.

4. Эксклюзивная модель социального устройства, характерная для Российской империи, формировалась на основе моноэтнического самосознания большинства русского населения, при наличии частичной автономизации и проблемы национального вопроса, впрочем, не слишком острого на протяжении всей истории развития государства.

5. Проблемы национальной интеграции (как и многие другие социальные вопросы) часто воспринимались не как результат целенаправленной национальной политики власти, а, скорее, как естественное состояние вещей. Такое восприятие было одновременно и силой, и слабостью этой политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кулешов С.В., Аманжолова Д.А., Волобуев О.В. и др. Национальная политика России: история и современность. М.: Информационно-издательское агентство «Рус. Мир»; 1997. 679 с.
2. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века). Иркутск: Издательство Иркутского университета; 1986. 168 с.
3. Пыжиков А.В., ред. Административно-территориальное устройство России: история и современность. М.: Олма-пресс; 2003. 318 с.
4. Каппелер А. Россия как многонациональная империя Пер с нем. М.: Прогресс-Традиция; 2000.
5. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. URL: https://pawet.net/library/history/bel_history/_articles/hroх/Хрох_Мирослав._От_национальных_движений_к_полностью_сформировавшейся_нации.html
6. Миллер А.И. Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. Методологические проблемы. В книге: Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. М.: Квадрига; 2021.

7. Баринова Е.П., Кабытов П.С. Национальный вопрос в дискурсе объединенного дворянства. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2022;1(41):70–85.
8. Бахтурина А.Ю. Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной-летом 1917 г. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. 2017; 4–2(10):177–185.
9. Дрожжина С.В. Роль национальных взглядов П.А. Столыпина в формировании территории Российской империи («финский вопрос»). Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. М.: Русайнс; 2021.
10. Иванов А.А., Котов А.Э. Социально-экономические аспекты введения земства в западных губерниях Российской империи. URL: <https://history.jes.su/s207987840008267-2-1/>. DOI: 10.18254/S 207987840008267-2
11. Назарова Е.Л. Национальный вопрос как фактор распада Российской империи. Латвия и Эстония на пути к независимости. 1914–1917. URL: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1121>
12. Сосновских А.В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской Империи. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-politika-k-nachalu-xx-veka-i-ee-vliyanie-na-razvitie-krizisnoy-situatsii-v-rossiyskoy-imperii>
13. Стогов Д.И. Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-monarhisty-nachala-xx-v-o-polozenii-pravoslavnogo-naseleniya-zapadnogo-kraya>
14. Шубин А.В. Национальный фактор в революции (1917 год). *Acta historica Klaipedensis*. 2015;(31):120–132.
15. Грушевский М. Национальный вопрос и автономия. Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза»; 1907. 15 с.
16. Новоторжский Г. Национальный вопрос, автономия и федерация. М.: Новое т-во; 1906. 32 с.
17. Ратнер М.Б. О национальной и территориальной автономии. Киев–Петербург: Книгоиздательство «СЕРП»; 1906. 29 с.
18. Рагимова П.Ф. Особенности национальной политики Российской Империи в конце XIX — начале XX века. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2014;5(35):134–141.
19. Кульчицкий К. (Мазовецкий). Автономия и федерация в современных конституционных государствах. Пер. с польск. М.: Изд. Петровской б-ки в Москве; 1907. 214 с.
20. Мессарош П.И. Финляндия — государство или русская окраина?: Значение особых учреждений Финляндской окраины Российской империи. 2-е изд. М.: Ленанад; 2016. 336 с.
21. Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России. М.: Московский общественный научный фонд; 1997.
22. Лазаревский Н.И. Автономия. СПб.: Скл. изд. при Юрид. кн. скл. «Право»; 1906. 32 с.
23. Медем В. Социал-демократия и национальный вопрос. СПб.: Трибуна; 1906.

REFERENCES

1. Kuleshov S.V., Amanzholova D.A., Volobuev O.V. et al. National policy of Russia: History and modernity. Moscow: Information and Publishing Agency “Rus. Mir”; 1997. 679 p. (In Russ.).
2. Dameshek L.M. The domestic policy of tsarism and the peoples of Siberia (XIX — beginning of the XX century). Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta; 1986. 168 p. (In Russ.).
3. Pyzhikov A.B, ed. Administrative-territorial structure of Russia: History and modernity. Moscow: Olma Press; 2003. 318 p. (In Russ.).
4. Kappeler A. Russia as a multinational empire of the first with him. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. (In Russ.).
5. Hroh M. From national movements to a fully formed nation: the process of building nations in Europe. URL: https://pawet.net/libaray/history/bel_history/_articles/hro/khroh_Miroslav._ot_native_khoi_k_fold_noma_nation_nation.html (In Russ.).
6. Miller A.I. The national question in the Romanov empire after 1905 is methodological problems. In the book: The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916. Moscow: Kvadriga; 2021. (In Russ.).
7. Barinova E.P., Kabytov P.S. The national question is in the discourse of the United Nobility. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal = Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*. 2022;1(41):70–85. (In Russ.).

8. Bakhturina A. Yu. Changing the administrative borders of the Baltic provinces in the spring and summer of 1917. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie = Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Politicalology. Story. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies*. 2017; 4–2 (10): 177–185. (In Russ.).
9. Drozhzhina S.V. The role of the national views of P.A. Stolypin in the formation of the territory of the Russian Empire (“Finnish question”). Russian Civilization Mission: On the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire. Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference. Moscow: Rusains; 2021. (In Russ.).
10. Ivanov A.A., Kotov A.E. Socio-economic aspects of the introduction of zemstvo in the Western provinces of the Russian Empire: URL: <https://history.jes.su/s207987840008267-2-1/>. DOI: 10.18254/S 207987840008267-2. (In Russ.).
11. Nazarova E.L. The national question as a collapse factor in the Russian Empire. Latvia and Estonia on the way to independence. 1914–1917. URL: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1121> (In Russ.).
12. Sosnovsky A.V. National policy by the beginning of the 20th century and its influence on the development of a crisis in the Russian Empire. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-politika-k-nachalu-xx-veka-ee-vliyanie-na-razvitie-krisisnoy-situatsii-v-Rossiyskoy-imperii> (In Russ.).
13. Stogov D.I. Russian monarchists at the beginning of the XX century. On the position of the Orthodox population of the West Territory. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-monarhisty-nachala-xx-v-polozhenii-pravoslavnogo-naseleniya-zapadnogo-kрая> (In Russ.).
14. Shubin A.V. National factor in the revolution (1917). *Acta Historica Klaipedensis*. 2015; (31):120–132. (In Russ.).
15. Grushevsky M. National question and autonomy. St. Petersburg: tip. t-va “Obshchestv. Pol’za”: 1907. 15 p. (In Russ.).
16. Novotorzhsky G. National question, autonomy and federation. Moscow: Novoe t-vo; 1906. 32 p. (In Russ.).
17. Ratner M.B. On national and territorial autonomy. Kyiv–Petersburg: Knigoizdatel’stvo “SERP”; 1906. 29 p. (In Russ.).
18. Ragimova P.F. Features of the national policy of the Russian Empire in the late XIX — early XX centuries. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk = The Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2014;5 (35):134–141. (In Russ.).
19. Kulchitsky K. (Mazovetsky). Autonomy and the Federation in modern constitutional states. Transl. from Polish. Moscow: Izd. Petrovskoj b-ki v Moskve; 1907. 214 p. (In Russ.).
20. Messarosh P.I. Finland — a state or the Russian outskirts?: The meaning of special institutions of the Finnish outskirts of the Russian Empire. 2nd ed. Moscow: Lenada; 2016. 336 p. (In Russ.).
21. Novikova I.N. The Grand Duchy of Finland in the imperial policy of Russia. Moscow: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond; 1997. (In Russ.).
22. Lazarevsky N.I. Autonomy. St. Petersburg: Skl. izd. pri YUrid. kn. skl. “Pravo”; 1906. 32 p. (In Russ.).
23. Medem V. Social Democracy and the national question. St. Petersburg: Tribuna; 1906. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Егор Евгеньевич Кочетков — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «История», Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Egor E. Kochetkov — Cand. Sci. (Political), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Department of History, Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7443-8089>

kochetkov.work@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.04.2024; принята к публикации 25.05.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2024; accepted for publication on 25.05.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.